

ОН РВАЛСЯ В ЧЕЧНЮ, ОН ПЛЕВАЛ НА ИСТОРИЮ...

Независимая газ. — 1995 — 17 сент.
К 200 (или 205)-летию со дня рождения Грибоедова

Виктория Шохина

Салон

НА ПРОТЯЖЕНИИ долгих лет образ Грибоедова бредил душу обитателей российского Парнаса. Дмитрий Мережковский, например, испытывал столь сильную неприязнь к этой фигуре, что не нашел ничего лучшего, как «удвоить» ее в романе «Александр Первый» (из трилогии «Царство зверя»). Там присутствует Грибоедов как историческое лицо и похожий на него до неприличия князь Валерьян Голицын. К тому же, последний говорит с интонациями героя набоковского «Отчаяния»: «А я не люблю Грибоедова. Иные — ножом, иные — петлей, а он смехом себя убивает. Я, говорят, на него похож. Не дай Бог! Неужели и у меня такой же смех, — точно мертвые кости из мешка сыплются?.. Может быть, я не люблю его потому что себя не люблю, боюсь его как двойника своего». Чуткий Блок видел, как «художественное волнение» Грибоедова переходит в «безумную тревогу», считал Чацкого демонического личностью и переносил это на автора. Смотри что понимает под демонизмом, конечно... Но то, что (вопреки школьным представлениям) Чацкий — никакая не жертва, а довольно злобный тип — это факт. «Случилось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали? ошибкою? добро о ком-нибудь сказали? Хотя не теперь, а в детстве, может быть?» — интересуется София Павловна.

В жизни же Александр Сергеевич был чрезвычайно обаятельным человеком — его любили не только женщины, но и друзья. Он, надо сказать, платил им тем же — цену дружбе он знал. «Я дружу пел... когда струнам касался, Твой гений над главой моей парил...». И приводящая кого-то в недоумение дружба с Бугариным тоже была настоящей. А то, что Грибоедов наставил другу рога, придумал Тынянов (хотя Леночка Бугарина и была из бывших протитутков).

Счаще был декабристом: один из его бон-мотов — «сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Он был сам по себе, но на него показали («...специфическое для декабристов рыцарство... сослужило им плохую службу в трагических условиях следствия и неожиданно обернулось несостоятельностью». — Юрий Лотман).

Первым, кто навестил Грибоедова на петербургской гауптвахте, был, разумеется, верный Фаддей Булгарин. Он носил ему передачи, исполнял все его поручения, хлопотал за него перед важными лицами (см. об этом: В.П.Мещеряков. А.С.Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. М., 1983 — очень полезная книжка!). Конечно, Фаддей при этом не мог оставаться спокойным и время от времени впадал в панику. Самая великодушная фраза Грибоедова — в одной из записок Булгарину с гауптвахты: «Сделай одолжение — не пугайся. Бояться людей — значит баловать их».

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»,
За то попал в главный штаб
И был притянут к Иисусу...
Ему не свято ничего —
Он враг царю... он друг
сестрицын.

Уж не повесят ли его,
Скажите правду,
князь Голицын?..
(1826)

«Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств», — сказано в апокрифическом «Путешествии

Грибоедов. Левый профиль.
Работа Пушкина.

в Арзрум». Да, Александр Сергеевич был непроницаем. Странная была у него жизнь, и повадки порой странные. Но если вдуматься — не более странные, чем у какого-нибудь другого русского барина-дворянина, допустим, у Лунина или у Толстого-Американца. Все они — чудили. Великолепное образование (три факультета!), знание языков, желание служить на благо отечества и неперенные (джонленновские!) очки вовсе не мешали Грибоедову предаваться довольно экстравагантным (если не сказать — диким) забавам — кажется, это называлось тогда эпикурейством. Однажды, в бытность свою в Брест-Литовске, он был обойден приглашением на бал. В отместку гусар Грибоедов въехал в залу на лошади. Было очень весело. В другой раз, в том же Брест-Литовске, залез шутки ради на хоры костела, увидел ноты на органе, сел и начал играть — он был великолепным музыкантом. Играл он так замечательно, что прихожане, внимая божественным звукам (кажется, это была Passion's Music), замерли в благоговении, не решаясь даже вздохнуть. И когда музыка достигла уже самых невероятных высот, маэстро врезал хулиганскую «Камаринскую»... Здесь все примечательно: и способность подняться в сферы горние, и желание сверзиться с высоты вниз.

Еще «облако» — двойная дуэль из-за знаменитой танцовщицы Истоминой (сюжет этот хотел развить Пушкин. См. его набросок «Les deux danseuses»). Злые языки утверждали, что Грибоедов подначивал соперников, которые уже были готовы помириться: «Для чего, говорит, — и сам не знаю, черт меня дернул!». Может, и сплетня. Но, с другой стороны, нравы вообще были цинические. Доподлинно известно, что на той же дуэли Каверин, секунданта Шереметьева, увидев друга убитым, хладнокровно произнес: «Вот тебе, Вася, и репка».

И хотя вариант поведения Грибоедова был куда мягче, «он почувствовал необходимость расцеловать единожды навсегда со своею молодостью и круто поворотить свою жизнь» («Путешествие в Арзрум»). В августе 1818 года он оставил Петербург, поступив на службу секретарем при поверенном в делах Персии — «Ах, Персия! гурацкая земля!». (Так оно и оказалось в конечном итоге.) Дальнейшее более или менее известно. Остается открытым вопрос: сколько ему тогда было лет? Одно дело, если родился он в 1795-м, другое — если в 1790-м.

Его всю жизнь мучили сомнения: умеет ли писать? Может быть, замахиваясь на крупную форму — вроде романтической трагедии «Грузинские ночи», — он, влекомый успехом «Горя от ума», совершал ошибку. Может

быть, ему стоило бы сосредоточиться на малых стихотворных жанрах. Впрочем, в истории литературы не только он «автор одной книги».

Империя расширяла границы, восьмой год шла Кавказская война. До «Хаджи-Мурата» должно было произойти еще много чего. А пока — жестокое обаяние имперской романтики! «Чтобы больше не ивничать, пускаюсь в Чечню, А/лексей/ П/етрович/ не хотел, но я сам ему навязался. — Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгревов; будем вешать и прощать и плюем на историю», — писал Грибоедов своему другу Степану Бегичеву 7 декабря 1825 года. — Имя Е/рмолова/ еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню!..

Очарование, конечно, не разрушилось — именем Алексея Петровича Ермолова еще долго на Кавказе пугали детей. (Пугают и сегодня!) А пассаж этот являет собой недурной образец русского колониального мышления в самом его расцвете — особенно хороши загадочные слова: «плюем на историю». И тут же такое искреннее, такое глубокое проникновение (колонизатора) в душу колонизируемых:

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льданные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!
Наши — камни; наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли?
— Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.
(«Хищники на Чегеме», 1825.)

«Русь! зачем воюешь ты вековые высоты?». Есть ли это особенность русского характера — воспевать тех, кого уничтожаешь?.. Впрочем, кроме поэзии, Грибоедов составил весьма толковый «Проект учреждения Российской Закавказской компании». Проект исходил из обоюдных интересов России и Закавказья — и не был принят во внимание.